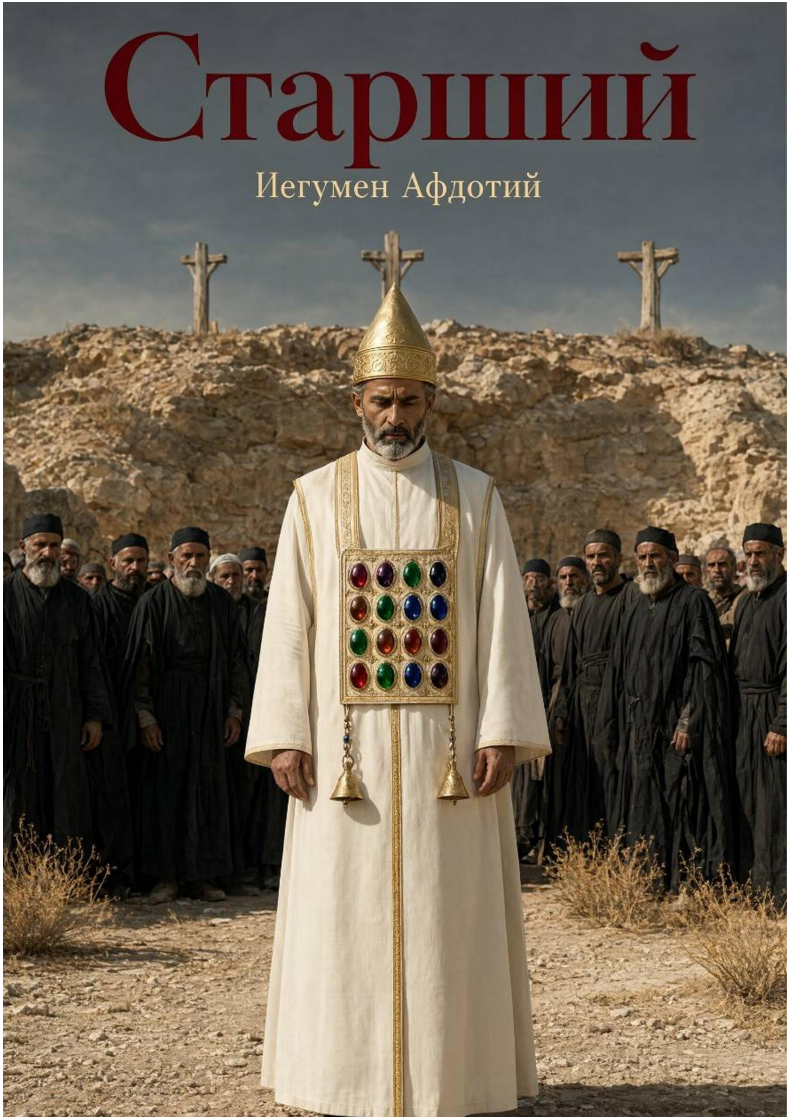
Старший

Иегумен Афдотий

Афдотий Иегумен
Старший

https://litres.ru/74840063
SelfPub; 2026

Аннотация

Анна растёт в бедной семье. После смерти отца он становится опорой

для трёх братьев и двух сестёр. Его вера искренна, а мечта велика:

однажды занять высшую духовную должность и защитить тех, кто не

может защитить себя.

Долгий путь приводит его к первосвященству, богатству и влиянию. Но

встреча с Иисусом ставит перед ним вопрос, к которому не подготовили

ни знание Закона, ни опыт власти.

Это художественная повесть. Семейная история, ранняя жизнь и внутренний мир Анны вымышлены. Исторические пояснения и использованные источники приведены в конце книги.

Содержание

Старший 5
О книге 6
Шесть кусков хлеба 9
Город на горе 14
Место у стены 19
Цена строки 25
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Афдотий Иегумен Старший

Иегумен Афдотий
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
Старший
История Анны, сына Сифа
ВЕРА · СЕМЬЯ · ВЛАСТЬ

Иегумен Афдотий
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Старший

История Анны, сына Сифа

В шестнадцати главах

О книге

Анна растёт в бедной семье. После смерти отца он становится опорой для трёх братьев и двух сестёр. Его вера искренна, а мечта велика: однажды занять высшую духовную должность и защитить тех, кто не может защитить себя.

Долгий путь приводит его к первосвященству, богатству и влиянию. Но встреча с Иисусом ставит перед ним вопрос, к которому не подготовили ни знание Закона, ни опыт власти.

Это художественная повесть. Семейная история, ранняя жизнь и внутренний мир Анны вымышлены. Исторические пояснения и использованные источники приведены в конце книги.

Автор — Иегумен Афдотий.

· 2026
1
. Шесть кусков хлеба
1
. Город на горе
2
5
3
. Место у стены
9

4
. Цена строки
14
5
. Младшие
18
. Дом в Иерусалиме
6
22
7
. Праздник страха
26
8
. Человек для мира
30
9
. За завесой
34
. Без облачения
10
38
11
. Голос с Иордана
42
12
. Свидетель

47
13
. Перед праздником
52
14
. Лицом к лицу
57
15
. К Пилату
62
16
. Старший
67
«Если ты первый, от этого вас не становится пять».
Сиф — своему старшему сыну
ГЛАВА 1

Шесть кусков хлеба

Впервые Анна украл хлеб в тот год, когда научился читать заповедь о воровстве.

Он не взял его у торговца и не вынес из чужого дома. Он отломил кусок от лепёшки, которую мать оставила под полотном до вечера. Потом повернул лепёшку целой стороной к двери, съел украденное за оградой и долго выковыривал из зубов зёрнышко, словно оно могло его выдать.

В доме было шестеро детей. Анна родился первым, за ним Иоав, потом Натан, Тамар, Дина и маленький Азария, который ещё спал рядом с матерью и во сне искал её рукой. К вечеру хлеб полагалось разделить на шесть частей; взрослые ели то, что оставалось. Анна знал это и всё же отломил. С утра он носил камни к развалившейся стене, а в полдень запах тёплой лепёшки оказался сильнее знания.

Его отец Сиф вернулся после захода солнца. Он был священником из рода Аарона, но большую часть года занимался тем, чем жили другие бедняки в их селении на иудейских холмах: работал в чужом винограднике, чинил террасы, помогал считать урожай. Когда наступала очередь его священнической череды, он отправлялся в Иерусалим. Возвращался утомлённым, с запахом дыма в волосах и иногда с долей того, что полагалось священникам.

Анна любил эти возвращения. Отец рассказывал о ступе-

нях, дворах, пении и о людях, приходивших из мест, названия которых казались мальчику словами молитвы. Но сегодня он молчал. Снял сандалии и долго растирал пятку.

Рахиль разломила хлеб. Её руки остановились лишь на мгновение.

— Кто ел?

Дети переглянулись. Натан посмотрел на Иоава, Иоав — на Анну. Азария ещё не понимал вопроса и радостно тянулся к столу.

— Я, — сказал Анна.

Мать положила перед ним самый маленький кусок. Больше ничего не произошло. Это было хуже наказания: он весь вечер смотрел, как Дина подбирает пальцем крошки.

Когда остальные уснули, Сиф позвал сына во двор. Между камнями стены шевелилась сухая трава. С холма доносился лай собак.

— Ты голоден?

Анна кивнул.

— Я тоже, — сказал отец.

Он вынул из складки одежды половину своего куска и протянул мальчику.

Анна не взял.

— Мама рассердится.

— Это мой хлеб. Я могу отдать его.

Мальчик ел медленно. Он ждал разговора о заповеди, о стыде, о том, что старший должен подавать пример. Отец

вместо этого попросил принести черепок, на котором они писали буквы.

Черепок был от большого кувшина. С одной стороны сохранилась красная полоса, с другой — гладкое место, удобное для письма. Анна хранил его под своей циновкой. Сиф вывел угольком имя сына, а ниже — имена остальных детей.

— Прочти.

Анна прочёл, запнувшись на имени Азарии.

— Теперь посчитай.

— Шесть.

— Если ты первый, от этого вас не становится пять.

Отец вернул ему черепок и пошёл в дом. Анна остался у стены, повторяя имена. До той ночи он думал о старшинстве как о преимуществе: ему раньше давали работу, раньше разрешали ходить за холм, первым отвечали на вопросы. Теперь оно оказалось связано с хлебом, которого можно не съесть.

Его имя дома произносили мягче, чем позднее стали произносить в греческих записях и чужих рассказах. Но это был тот самый Анна, сын Сифа, о котором много лет спустя будут говорить как о человеке, чьё слово открывало ворота влиятельных домов. Пока он был худым мальчиком с ободранным коленом и слишком серьёзным взглядом.

Он родился в Иудее при царе Ироде, за несколько десятилетий до Рождества Христова. О царе в их доме говорили негромко. О Боге — свободно, иногда даже с обидой. Мать могла, стоя у пустого сосуда с маслом, спросить у Него, не

перепутал ли Он их дом с домом богатых соседей. Отец не сердился. Он только подавал ей сосуд и шёл занимать масло.

Бедность их семьи не была ровной. В хороший год оставались сушёные смоквы, и Тамар нанизывала их на нитку. В плохой Рахиль разбавляла похлёбку так, что дно миски было видно ещё до еды. Сиф никогда не называл это испытанием. Он говорил: мало дождя, слишком много долгов, неудачный договор. Анне хотелось другого объяснения, такого, в котором всё имело место и смысл.

Ему нравились слова Писания. Они не зависели от того, кто пришёл собирать подати и сколько зерна осталось в закроме. Отец произносил их одинаково и после хорошего урожая, и после плохого. У Анны возникло раннее, почти телесное ощущение: если достаточно точно исполнить всё требуемое, мир тоже станет точным. Отмеренная мера будет полной. Долг не вырастет за ночь. Младшая сестра перестанет кашлять зимой.

Сиф видел усердие сына и радовался ему, хотя порой тревожился. Анна мог сам отказаться от еды, но приходил в ярость, если Иоав пропускал слово в молитве. Он помогал Тамар нести воду, а потом сердился, что она расплескала немного у порога. Добро давалось ему охотнее, когда шло по установленному порядку.

Однажды Натан спросил, слышит ли Бог молитву человека, который забыл начало.

— Надо выучить, — ответил Анна.

— А пока не выучил?

— Пусть слушает других.

Отец, сидевший рядом, поднял голову.

— Он спрашивает, слышит ли Бог. А ты объясняешь, кого согласен слушать ты.

Анна покраснел. Натан улыбнулся, и это было обиднее самой поправки.

Позднее мальчик долго молился один, за оградой. Просил сделать его хорошим. Потом, подумав, попросил сделать его полезным. Это желание показалось ему надёжнее: полезного человека узнают по делам, и никто не может сказать, что ему только кажется.

Из дома позвала мать. Нужно было подержать Азарию, пока она раздувала огонь.

Младший брат уснул у Анны на плече. Его голова пахла молоком и пылью. Анна сидел неподвижно, чувствуя, как затекает рука, и смотрел на черепок с шестью именами. Он ещё не знал, чего попросит у Бога, когда станет взрослым. Но уже был уверен: если однажды получит достаточно сил, в его доме никто больше не будет делить слишком маленькую лепёшку.

ГЛАВА 2

Город на горе

В первый раз Сиф взял Анну в Иерусалим, когда тот мог пройти дорогу без жалоб и удержать в памяти поручение длиннее двух фраз. Они вышли до рассвета. Мать дала им хлеб, маслины и наставление не тратить ничего на то, что можно увидеть бесплатно.

Анна нёс свёрток с отцовской чистой одеждой. Через час ему стало тяжело, но он переложил свёрток на другое плечо и не сказал ни слова. Иоав провожал их до поворота. Натан хотел пойти следом, однако мать удержала его за ворот. Анна старался не показывать, как рад, что выбрали именно его.

Дорога поднималась между каменными склонами. Навстречу попадались погонщики, женщины с корзинами, человек с перевязанной рукой. Сиф здоровался с незнакомыми людьми так, будто мог однажды оказаться у них в долгу. Анна спрашивал, сколько ещё идти. Потом увидел город и перестал спрашивать.

Прежде он представлял Иерусалим большим селением. Но селение можно было охватить взглядом: дом, давильня, водоём, тропа к полям. Здесь за одной стеной вставала другая, за крышей — ещё крыша, а над всем возвышался Храм. На белом камне лежал свет такой силы, что Анна заслонил глаза.

Он впервые подумал, что бедность может быть ошибкой

места. Там, откуда они пришли, всё было мало: сосуды, запасы, двери, надежды на дождь. Здесь даже тени были огромными.

У ворот их задержали носильщики. Один человек ругался из-за осла, который лёг посреди прохода. Другой продавал ремни и клялся прочностью каждого. Анна ожидал, что рядом со святилищем люди будут говорить тише, но здесь говорили громче, чем дома.

— Не отставай, — сказал Сиф.

Они свернули во двор, где жил знакомый отца, старый священник Элиаким. Он был невысок, носил одежду с тщательно зашитыми локтями и ставил левую ногу боком.

При виде мальчика спросил:

— Читать умеет?

— Умеет, — ответил Сиф.

— А слушать?

Отец улыбнулся.

— Этому ещё учится.

Пока Сиф готовился к служению, Элиаким дал Анне прочесть несколько строк. Мальчик старался произносить слова торжественно, как слышал от взрослых. Старик остановил его.

— Не тяни. Буквы не становятся святее от того, что ты их мучаешь.

Анна прочёл снова, обычным голосом. Элиаким кивнул и посадил его рядом. Весь день мальчик подавал ему свитки,

слушал объяснения и осторожно задавал вопросы. Он спрашивал о священнических чередах, о том, кто допускается к разным частям Храма, о первосвященнике, который один совершает особое служение в День очищения.

— А кто выбирает самого достойного? — спросил он.

Элиаким посмотрел на Сифа, вернувшегося под вечер.

— Ты ему ещё не рассказывал про царей?

— Рассказывал, — ответил отец. — Но он пока слышит только то, что ему нравится.

На следующий день Сиф показал сыну храмовые дворы, объясняя, где мальчик вправе находиться. Анна запоминал границы с жадным вниманием. Ему казалось, каждая следующая ограда отделяет менее важную жизнь от более важной, а в самой глубине должен находиться ответ на все вопросы.

У одной из лестниц они увидели женщину с двумя птицами в плетёной клетке. Она спорила со служителем. Анна не разобрал причины: то ли птицы не годились, то ли женщина неверно поняла порядок. Она всё повторяла, сколько шла, и показывала пустую ладонь. Служитель отвечал устало, без злости, но за его спиной двигались люди, которым было некогда ждать.

Сиф подошёл к ним. Выслушал обоих, задал вопрос и куда-то отвёл женщину. Анна остался у ступеней. Когда отец вернулся, свёрток с их дорожной едой стал легче.

— Ты отдал ей наш хлеб?

— Часть.

— Но она же не за хлебом пришла.

— Сейчас ей нужен и хлеб.

Анна замолчал. Он боялся, что отец потеряет время и они не увидят важного человека, о котором говорили утром. Первосвященник должен был пройти через двор со своими приближёнными. Мальчик хотел хотя бы издали посмотреть на того, чья жизнь стояла выше жизни всех священников, которых он знал.

Они успели. Анна увидел пожилого человека, людей вокруг него и то, как расступается толпа. Лица он почти не запомнил. Запомнил пространство: ещё мгновение назад проход был тесным, и вдруг перед одним человеком возникла свободная дорога.

На обратном пути он спросил отца, может ли сын бедного священника стать первосвященником.

Сиф долго не отвечал. Под ногами хрустела мелкая известковая крошка.

— Происхождение у тебя есть, — сказал он наконец. — Но одного происхождения мало. И усердия мало. Сейчас такие решения принимают люди, которые думают не только о служении.

— А если стать лучше всех остальных?

Отец остановился поправить ремень сандалии.

— Кто тебе это скажет? Что ты лучше всех?

Анна хотел ответить: Бог. Но произнести это вслух показалось слишком смелым.

Дома он рассказывал о городе так долго, что Иоав заснул. Тамар спросила, какого цвета были птицы в клетке. Натан хотел узнать, сколько воинов у ворот. Дина потребовала показать высоту Храма руками, и Анна встал на цыпочки. Только об одном он не рассказал никому.

Утром, прежде чем приняться за работу, он снова достал черепок. Рядом со своим именем попытался вывести слово, обозначавшее первосвященника. Не хватило места. Последние буквы получились маленькими и съехали к краю.

Он стёр их и написал заново.

Дальше годы пошли быстро. Анна рос, учился у отца, при возможности ездил к Элиакиму, зарабатывал на жатве и всё чаще выполнял поручения, для которых требовалось умение читать. Он по-прежнему помогал матери и следил за младшими, но над каждой повседневной работой уже стояла дальняя цель. Он представлял, как однажды сможет исправить унизительные мелочи, которые взрослые называли неизбежными: неполную меру, грубость привратника, ожидание у чужой двери.

Когда ему исполнилось семнадцать, Элиаким предложил подольше остаться в Иерусалиме и учиться. Сиф согласился. Анна вернулся домой за вещами счастливым настолько, что даже не рассердился на Азарию, разбившего чашку.

Уехать ему удалось лишь на несколько месяцев. Потом пришло известие, что отец болен.

ГЛАВА 3

Место у стены

Болезнь Сифа не пришла в дом однажды и сразу. Сначала отец перестал носить тяжёлое. Потом стал возвращаться с поля до полудня. Потом появилась скамья у стены, на которой он прежде никогда не сидел в рабочее время. Семья привыкала к его слабости понемногу, и каждый новый запрет казался временным.

Анна вернулся из Иерусалима, оставив у Элиакима свои записи. Он думал, что через месяц снова будет сидеть в прохладной комнате и разбирать трудное место в Законе. Через месяц понадобилось укрепить террасу. Потом пришло время собирать маслины. Потом мать продала серебряную застёжку, доставшуюся ей от собственной матери, и Анна понял, что спрашивать об отъезде нельзя.

Так прошло почти три года.

Сиф ещё мог учить. По вечерам он слушал, как сын читает, и поправлял его, но голос стал негромким, а между фразами возникали долгие паузы. Анна сердился на эти паузы и тут же стыдился своей злости. Ему казалось: если отец сумеет дочитать до конца, то сумеет и подняться.

Иоав работал рядом с ним. Он был крепче старшего брата, быстрее уставал от разговоров и лучше понимал животных. Натан помогал через раз: исчезал, возвращался с новостями, знал, у кого отобрали поле и кто поссорился со сборщиком.

Тамар уже умела вести хозяйство почти как мать. Дина латала одежду, хотя больше любила слушать чужие истории, чем считать стежки. Азария ходил за Анной и задавал вопросы, на которые тот прежде отвечал охотно, а теперь говорил: потом.

Однажды Сиф позвал старшего сына к себе.

— Ты разговариваешь с ними, как с людьми, которые тебе задолжали.

— Я прошу только помогать.

— Иногда ты просишь их никогда не быть детьми.

— Я в их годы уже работал.

— Я помню.

Отцовское спокойствие раздражало. Анна стоял у стены, держа в руках сломанную рукоять, и думал, что тот, кто лежит, легко может быть терпеливым. Мысль была такой жестокой, что он отвернулся, будто отец мог её прочитать.

Сиф попросил подать воду. Анна подал, поддержал его за плечи, вытер каплю с подбородка. Отец стал стыдиться того, что ему нужна помощь, и сын впервые заметил это. Все месяцы он думал о собственной усталости. Теперь увидел, сколько усилий тратит Сиф, чтобы просто взять чашку без дрожи.

Анне исполнилось двадцать в начале сухого времени года. Никакого праздника не было. Мать испекла лепёшки чуть толще обычных, а отец подарил ему нож для подрезания тростниковых перьев. Нож был старый, с гладкой костяной

рукоятью. Сиф получил его от Элиакима много лет назад.

— Когда будешь учиться дальше, пригодится, — сказал он.

Анна хотел спросить: когда же? Но отец смотрел с такой надеждой, что сын поблагодарил и спрятал нож за пояс.

Через девять дней Сиф умер.

Ночью он проснулся и попросил позвать Рахиль. Она сидела рядом, но он не сразу узнал её в темноте. Анна принёс светильник. Мать взяла мужа за руку, и тот успокоился. Он говорил о протекающей крыше, о соседском долге и ещё о чём-то, чего уже нельзя было разобрать. Последним ясным словом было имя Тамар. Девочка подошла, думая, что отец даст ей поручение.

Утром соседи помогли приготовить тело к погребению. Анна делал то, что ему говорили. Он боялся допустить ошибку в обряде: единственное, что ещё можно было сделать для отца, должно было быть сделано правильно.

На обратном пути Азария спросил, когда отец вернётся в дом.

Натан резко велел ему замолчать. Младший заплакал, и Анна взял его на руки, хотя тот был уже слишком большим, чтобы нести так далеко. До самого порога Азария повторял один и тот же вопрос. Анна не отвечал. Он шёл, ощущая горячую щёку брата у своей шеи, и думал о том, что у него самого нет человека, которому можно задать этот вопрос.

После дней траура пришёл Ханан, торговавший зерном.

Он говорил мягко, принёс немного муки и долго вспоминал честность покойного. Потом достал расписку.

Рахиль знала о долге, но не знала, насколько он вырос. Сиф занимал понемногу: на лечение, на семена, на еду. В расписке всё сложилось в сумму, которой у семьи никогда не было сразу.

— Я не требую сегодня, — сказал Ханан. — Но мне тоже нужно знать, на что рассчитывать.

Анна прочёл документ дважды. На краю стояла отцовская отметка.

— Я выплачу.

Мать подняла глаза.

— Нам надо подумать.

— Я выплачу, — повторил Анна.

Ханан убрал расписку. Он не улыбнулся и не угрожал. От этой обыденности Анне стало страшнее. Для одного человека случившееся было концом прежней жизни, для другого — вопросом срока платежа.

Вечером семья села есть. Место Сифа у стены осталось свободным. Иоав предложил передвинуть миски, но никто не решился. Анна сначала сел там, где сидел всегда, потом поднялся и занял отцовское место.

Дина перестала жевать.

— Я не вместо него, — сказал Анна.

Никто не ответил.

Он разделил хлеб. Себе взял меньше, Азарии дал мягкий

край. Потом начал говорить, что они будут делать: Иоав пойдёт к владельцу давильни, Натан станет помогать в перевозке камня, Тамар и Дина возьмут работу у соседок. Он говорил быстро и уверенно, потому что остановиться означало услышать, насколько страшно в комнате.

Рахиль выслушала его до конца.

— А я? — спросила она.

— Ты будешь дома.

— Я и сейчас дома. Но ты ещё не спросил, что я умею продать, у кого могу получить работу и кому должен твой отец. Ты не один остался, Анна.

Он почувствовал обиду. Ему казалось, он предлагает всем защиту, а мать не хочет её принять.

Позже, когда дети уснули, Рахиль принесла корзину с починенной одеждой и перечислила заработанное за последние недели. Это была небольшая сумма. Всё же она существовала, и Анна о ней не знал.

Он сидел рядом, слушал и понемногу успокаивался. Мать говорила о завтрашнем дне без торжественных обещаний. У неё были конкретные люди, конкретная ткань, которую надо забрать, и конкретный кувшин, который можно продать.

В ту ночь Анна впервые молился о деньгах. Ему было стыдно произносить такую просьбу после слов, которым его учил отец. Он попробовал заменить её просьбой о мудрости, потом понял, что мудрость нужна ему прежде всего для того, чтобы достать деньги.

Он попросил и того и другого.

Под конец добавил: пусть младшие вырастут и никто не сможет их унизить. О себе он не попросил ничего. Это показалось ему признаком того, что он уже способен занять отцовское место.

ГЛАВА 4

Цена строки

Первую настоящую плату за грамотность Анна получил за чужую жалобу. Человек по имени Амос принёс ему обломок дощечки, несколько медных монет и рассказал, что сосед передвинул межевой камень. Анна записал его слова, стараясь придать им вес. Амос попросил прочесть. Услышав собственную беду изложенной ровно и убедительно, он выпрямился.

— Теперь они должны выслушать, — сказал он.

Анна не знал, должны ли. Но ему понравилось, что человек ушёл с надеждой, которую он сумел дать своими руками.

Потом пришли другие. Он писал расписки, считал доли урожая, помогал составлять просьбы. Одновременно работал в поле, учил Азарию буквам и спорил с Натаном, который возвращался позже условленного времени. Долг уменьшался медленно. Иногда казалось, он уменьшается только в счёте, а в жизни остаётся таким же тяжёлым.

Ханан предложил место помощника при зерновом складе в Иерусалиме. Работа была надёжнее случайных поручений. Плата позволяла кормить дом. Анна согласился, хотя это означало жить вдали от семьи большую часть недели.

Склад принадлежал человеку, поставлявшему зерно разным заказчикам, в том числе богатым священническим домам. Там Анна увидел, как бедствие меняет облик, проходя

через счёт. В селении плохой урожай означал пустые миски. Здесь — новые цены, иной срок расчёта, изменённое число мер. Он старался считать безупречно. Точность казалась ему последним местом, где бедняка нельзя обмануть.

Однажды утром он обнаружил, что мера, которой принимали зерно у земледельцев, отличается от меры, которой его отпускали. Разница была невелика. Но за день она складывалась в несколько мешков.

Он показал это старшему приказчику.

— У приёмной меры другой край, — ответил тот. — Не бери в голову.

— Получается, мы записываем меньше, чем берём.

Приказчик вздохнул, словно Анна пожаловался на солнце.

— Ты должен записывать то, что тебе называют.

В тот день пришёл Амос, тот самый человек с межевым камнем. Он привёз зерно и обрадовался, увидев знакомого. Анна стоял у записи и следил, как наполняется мера. Амос должен был получить на несколько монет больше.

— Всё верно? — спросил он.

Анна посмотрел на приказчика.

— Столько намерили, — сказал он.

Это не было прямой ложью. Вечером он много раз повторил себе именно эти слова.

Из дому пришло известие, что Дина заболела. Рахиль просила прислать заработанное раньше срока. Анна получил

деньги и добавил к ним часть, которую откладывал на выплату долга. Потом пошёл к Элиакиму.

Старик всё ещё жил в тесном дворе. Нога болела сильнее, зато память оставалась ясной. Увидев Анну, он прежде всего спросил о семье. Тот рассказал о Дине, о заработке, о том, как вырос Азария. О мерах не сказал.

Они читали до темноты. В отрывке, который выбрал Элиаким, говорилось о справедливом суде. Анна слушал и всё время видел деревянный край зерновой меры, отполированный чужими ладонями.

— Если человек не может изменить установленное, — спросил он наконец, — обязан ли он отказаться от места?

— Что установлено?

Анна рассказал.

Элиаким не возмутился. Это оказалось неожиданным. Он подробно спросил, кто принимает зерно, кто знает о разнице, кому принадлежит склад. Потом велел принести две одинаковые чаши.

— Ты умеешь доказать разницу?

— Да.

— Тогда сначала докажи. Не мне. Тому, кто может решить.

— Он меня прогонит.

— Может быть.

— У меня пятеро младших.

— Я помню.

Анна ждал, что старик либо благословит его терпеть, либо потребует немедленно уйти. Вместо этого ему предложили дело, исход которого был неизвестен. Это было тяжелее любого готового правила.

Он потратил три дня. Проверил меры, пересчитал записи, нашёл одинаковые поставки с разным итогом. Потом попросил хозяина выслушать его. Тот раздражался, пока речь шла о несправедливости, и оживился, когда Анна показал, что часть излишка исчезает мимо хозяйского счёта.

Приказчика отстранили. Меры заменили. Анне повысили плату.

Он приехал домой с мукой, маслом и небольшим свёртком сушёных плодов. Дина уже поправлялась. Азария, увидев подарок, захлопал в ладоши. Анна испытывал такое облегчение, будто лично отодвинул от дома наступавшую беду.

Поздно вечером пришёл бывший приказчик. У него были красные глаза и запах вина изо рта.

— Ты думаешь, хозяин не знал?

— Ты присваивал зерно.

— А он присваивал больше. Теперь у него честные меры и честный писец. Хорошо устроился.

Анна закрыл дверь. Человек ещё немного постоял снаружи, потом ушёл.

На следующий день Анна вернулся на склад. Он настоял, чтобы Амосу доплатили за последнюю поставку. Хозяин разрешил: сумма была мала, а шум уже принёс достаточ-

но неудобств. О прежних поставках Анна не заговорил. Для них потребовалось бы поднять старые записи, вызвать людей, признать то, что хозяин предпочитал назвать ошибкой одного служащего.

Он сказал себе, что сначала должен закрепиться. Когда станет нужным человеком, сможет исправить больше.

Это решение не выглядел отказом от добра. Напротив, оно казалось более разумным способом к нему приблизиться.

Через несколько месяцев хозяин поручил Анне вести расчёты с одним священническим домом. Там впервые заметили его аккуратный почерк, знание Закона и умение говорить без суеты. Его стали приглашать чаще. Он всё ещё носил простую одежду и большую часть заработанного отсылал матери, но теперь входил в двери, возле которых прежде должен был ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.